

Глава 4

Деятельность Церкви в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы

22 июня 1941 года, в День всех святых в земле Российской просиявших, когда фашистская Германия напала на Советский Союз, первым к русскому народу обратился не Генеральный секретарь ЦК ВПК (б) и председатель СНК СССР И. В. Сталин, а Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Русской Православной Церкви. В своем послании к пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви он писал: “В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая договора и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к Отечеству.

Но не первый раз приходится Русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед Родиной и Верой, и выходили победителями. Не посрамям же их славного имени и мы – православные, родные им по плоти и по вере.

...Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей Русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи православных воинов, безвестные имена которых Русский народ увековечил в своей легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больше сея любви никто же имеет да кто душу свою положит за други своя”. Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно молчаливо поглядывать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно “ради Иисуса, а не ради куска”, как выражался святитель Димитрий Ростовский... Церковь Христова благословляет всех на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу”²³⁷.

Так истерзанная и гонимая советским правительством Русская Православная Церковь возвысила свой голос в защиту Отечества, показывая, что Родина, Отечество, Отчизна – это прежде всего земля народа, на ней проживающего, а не власть, эту землю представляющая. Отечество – не есть государство. Это государство становится Отечеством, когда начинает проявлять к своим сыновьям и дочерям именно отеческую, родительскую любовь. Поэтому звать на защиту Родины – было совсем не то же самое, что призывать к защите советской власти, преследовавшей православных христиан, как поняли обращение митрополита многие верующие и даже иерархи.

Такая позиция главы Русской Православной Церкви перед лицом общей опасности заставила руководство страны изменить свою религиозную политику. Уже в июле 1941 года состоялась первая встреча Сталина с митрополитом Сергием, после чего атеистическая пропаганда начала постепенно сворачиваться. Поворотным моментом во взаимоотношениях Церкви и государства стала историческая встреча Сталина с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, а также митрополитом Ленинградским Алексием и экзархом Украины, митрополитом Киевским и Галицким Николаем, состоявшаяся 4 сентября 1943 года, во время которой глава Правительства обещал Русской Православной Церкви свою поддержку в решении многих наболевших проблем. Изменения не замедлили себя ждать: распахнулись лагерные ворота перед священнослужителями, начали открываться храмы, которые наполнялись прихожанами в поисках духовной опоры, утраченной за годы репрессий и в связи с новыми потерями близких. 8 сентября 1943 года состоялся Архиерейский собор, на котором был избран Патриарх (им стал Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей) и Священный Синод Русской Православной Церкви. Возобновился «Журнал Московской Патриархии». Церковная жизнь в стране возрождалась.

7 октября 1943 года было утверждено Положение о Совете по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР, создаваемом для установления связей между Правительством и Московской Патриархией, а 28 ноября того же года вышло Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». В соответствии с Положением, в каждой области учреждался уполномоченный Совета по делам РПЦ, главной обязанностью которого на первых порах было рассмотрение ходатайств граждан на предмет открытия церквей – для последующего утверждения их в Совете. 29 февраля 1944 года в Пензенской области на эту должность был назначен Архонтов, который 9 марта того же года выехал в Москву на инструктаж, а по возвращении в Пензу тяжело заболел, почему до июня никакой конкретной работы по открытию в области церквей не проводилось. Прием верующих временно осуществлял секретарь облисполкома И. С. Пуляков. 12 июля 1944 года приступил к исполнению обязанностей уполномоченного Совета по делам РПЦ по Пензенской области председатель обкома союза работников политпросветучреждений Николай Иванович Лысманкин.²³⁸

К началу Великой Отечественной войны в Пензенской области оставалось только две действующие церкви – Митрофановская кладбищенская в Пензе и Казанская кладбищенская же в Кузнецке. Да и то, был

период – с 5 ноября 1941 г. по 19 января 1942 года, когда и Митрофановский храм был закрыт.²³⁹ Всего же, согласно учетным данным, в области к середине 1944 года насчитывалось 506 православных храмов, из которых 476 использовались под культурно-хозяйственные цели, а 28 стояли пустыми. К июню 1944 года от верующих поступило 60 заявлений с просьбой об открытии церквей. Процедура их рассмотрения состояла в проверке этих заявлений на местах, то есть в райисполкомах, куда они и должны были отсылаться уполномоченным. Но поскольку, как уже говорилось, на данный момент уполномоченный Архонтов был тяжело болен, в связи с обострением у него туберкулеза легких, то было отослано в райисполкомы лишь 26 ходатайств, 20 из которых были возвращены и были переданы в облисполком для рассмотрения их на ближайшем заседании.²⁴⁰

2 марта 1944 года Пензенский облисполком рассмотрел 12 заявлений верующих, поступивших, по-видимому, еще до утверждения кандидатуры уполномоченного, и все их отклонил по причине отсутствия подписей всех членов “двадцатки”, необходимой для организации прихода. Это уже являлось нарушением прав верующих, поскольку число подписей под заявлением не было регламентировано существующим Постановлением. Так, с самого начала, по недопониманию ли, или же по инерции, началось притеснение местной властью зарождающейся религиозной жизни в Пензенской области. Дальнейшие нарушения не заставили себя долго ждать: о своем решении облисполком не только не поставил в известность верующих, но и не проинформировал об этом Совет по делам РПЦ.²⁴¹ Все это позволило Совету, рассмотревшему на своем заседании от 20 февраля 1945 года работу уполномоченного по Пензенской области Лысманкина, отметить следующие недостатки:

“А) За весь 1944 год т. Лысманкиным не рассмотрено ни одного заявления верующих об открытии церквей и молитвенных домов, и облисполкомом не принято ни одного решения об отклонении ходатайств верующих и не дано ни одного заключения об удовлетворении ходатайств, при наличии 56 первичных и 8 повторных заявлений и при полном отсутствии действующих церквей в сельских местностях области.

Б) В своих информационных квартальных отчетах в Совет т. Лысманкиным не дано анализа состояния церковной жизни области, характера поступающих заявлений верующих; в докладах не освещены даже те вопросы, которые требуются схемой доклада, данной в инструкции.

В) Представленные в январе 1945 г. материалы на открытие четырех церквей составлены небрежно и с нарушением указаний Совета. Так,

вместо заключения о возможности и целесообразности открытия церквей в Совет представлены решения облисполкома... Из представленных материалов не видно участия уполномоченного в их составлении – нет заключения уполномоченного, ни один документ не подписан уполномоченным”²⁴².

Отсутствие какой-либо работы уполномоченного привело к тому, что, как отмечалось в материалах о состоянии РПЦ по Пензенской области на конец 1-го полугодия 1944 года, “ряд заявлений верующих, направленных в райисполкомы для необходимой проверки, месяцами задерживаются с ответами о результатах их проверки, тем самым затягивается окончательное разрешение вопросов, связанных с открытием церквей, следствием чего порождаются нарекания верующих и их повторные ходатайства с жалобами в вышестоящие советские органы”²⁴³.

Итак, полгода уже как действовало новое законодательство, а верующие по вине местной власти не могли официальным путем открыть еще ни одной церкви, не могли воспользоваться данным им правом совершать необходимые таинства и требы, между тем как люди рождались и умирали без необходимого церковного напутствия в жизнь эту либо в вечную... Что же им оставалось делать? Ждать дальше? Пребывать в полной неизвестности? Но душа больше ждать не хотела, ей требовалось полноценное общение с Богом – через исповедь, через святое причастие. Поэтому то здесь то там стали возникать случаи, которые на протокольном языке классифицировались как “факты нарушения закона об отделении Церкви от государства”. За первую половину 1944 года было выявлено, что “происходят массовые нелегальные богослужения в домах верующих и даже под открытым небом, так, например:

а) в Нижнеомовском районе (г. Н-Ломов) недалеко от местонахождения бывшего монастыря – у водоисточника происходят в праздники массовые богослужения, совершаемые под руководством монашек и неизвестных других личностей;

б) в Шемышейском районе, тоже в расположении бывшего монастыря, около “Семи ключей”, как у места святости, происходит в дни религиозных праздников полное паломничество богомольцев;

в) в с. Мокшане того же района (т. е. Мокшанского. – А. Д.) (бывший уездный город), в котором раньше имелось 7 церквей и один монастырь, нелегальное богослужение приняло форму сектантства”²⁴⁴.

Далее отмечалось, что в с. Сушевке Колышлейского района, с разрешения председателя райисполкома Трофимова, открыт молитвенный дом, в котором совершает богослужения получивший на то благословение епис-

копа священник Котов; в с. Большом Вясе в домах верующих проводит службы незарегистрированный священник Кедров; 18 июня 1944 года неофициально открылся молитвенный дом в с. Аришке Большевьяского района²⁴⁵. То есть с самого начала уже имелись многочисленные случаи нарушения существующего порядка открытия церквей, и примечательно, что местное священноначалие шло на это – в стремлении как можно быстрее начать удовлетворять запросы верующих.

Кирилл (Поспелов), 1944

Первым архиереем, назначенным на Пензенскую кафедру в годы Великой Отечественной войны стал епископ Кирилл (Леонид Николаевич Поспелов), получивший указ о назначении его епископом Пензенским и Саранским 27 марта 1944 года²⁴⁶. Однако в июле того же года он был перемещен на Ташкентскую кафедру, а его место занял епископ **Михаил (Михаил Степанович Постников)**²⁴⁷.

Михаил (Постников), 1944–1947

Родился Михаил Постников 30 сентября 1878 года в г. Воронеже. Его отец, ремесленник шорного цеха, и мать, дочь пастуха, сделали все, чтобы дать своему сыну хорошее образование. Правда, необходимых средств на обучение его в гимназии у них не нашлось, почему его вначале определили в образцовую школу при Воронежской духовной семинарии, откуда он перешел в духовное училище, а затем и в семинарию. Еще в третьем классе училища он начал самостоятельно зарабатывать репетиторством, чтобы облегчить своим родителям свое содержание в учебном заведении. Учился Михаил на отлично и окончил духовную семинарию по 1-му разряду, в числе первых ее учеников. Вполне естественным было бы для него дальнейшее поступление в духовную академию, куда он и был рекомендован семинарским начальством. Но прямой путь к Богу не состоялся. Некто меценат Быстрицкий, отметивший его успехи, предложил Михаилу поступить в университет на его содержание, что и было принято. Однако окончить медицинский факультет Томского университета Постникову не пришлось, так как университет был закрыт в связи с начавшимися забастовками. Но Михаил продолжил свое образование: в 1904 году он окончил Ярославский Демидовский лицей со званием кандидата прав, а в 1911 году, с отличием, – историко-филологический факультет Московского университета, получив ученое звание магистра ис-

торических наук за труд, посвященный значению просвещения в Древней Руси. Студентом, находясь в научных командировках, много путешествовал по Европе, Азии и на Балканах. Трудовая его биография началась на юридическом поприще. Помощник секретаря Воронежского окружного суда, секретарь суда, старший нотариус, судья Шавельского уезда Ковенской губернии, член суда в Ковно – таков его трудовой путь до 1-й мировой войны. Кроме того, по совместительству преподавал в гимназиях историю и законоведение. В Шавлях, в августе 1910 года, он в 32 года овдовел, потеряв жену, скончавшуюся сразу же после родов. На руках осталось двое маленьких детей, воспитанию которых он посвятил свои молодые годы, так и не женившись. В августе 1914 года, в связи с начавшейся войной, эвакуировался из Ковно и был причислен к Московскому окружному суду, а затем командирован в Новгородский окружной суд. Февральскую революцию встретил в должности товарища председателя окружного суда в Новгороде, но с Временным правительством принципиально отказался сотрудничать, считая его незаконным. Зато Октябрьскую революцию принял, и в ноябре 1917 года был направлен в качестве комиссара юстиции Северной области для проведения реорганизации губернских и уездных учреждений. Затем его перевели в Воронежский губернский суд, где он последовательно занимал должности комиссара юстиции, члена суда, председателя выездных сессий губернского суда, а также работал заведующим информационно-юридическим бюро Воронежского губисполкома. На новом своем посту – чрезвычайного уполномоченного по борьбе со снеговыми заносами – в зиму 1918–1919 года сильно обморозил ноги и руки. Однако после лечения он получил еще одно, не менее трудное задание, на этот раз – быть уполномоченным по борьбе с тифозной эпидемией в Воронежской губернии. И здесь беда не миновала его: он сам заразился вначале сыпным, а затем и возвратным тифом. Находясь на излечении, он познакомился с профессорами эвакуированного в Воронеж Варшавского университета, которые посоветовали ему завершить свое медицинское образование, прерванное на 3-м курсе Томского университета по причине беспорядков. В 1921 году он выдержал экзамен на врача-терапевта, но работать им не смог из-за начавшегося после тифа осложнения ног, а получил инвалидность и некоторое время находился на пенсии.

Переосмысление своего нового положения вдали от стремительного течения жизни пробудило в нем, как видно, прежнюю семинарскую закваску и привело его в церковь, но не в старую, тихоновскую, а в обновленческую, спекулирующую возможностью реформирования Церкви в

более прогрессивную организацию, способную к более успешному сожительству с советской властью.

В марте 1922 года Михаил Постников принял священнический сан в обновленческой церкви, некоторое время подвизался в Астрахани, а 13 октября того же года стал обновленческим епископом Вольским, викарием Саратовской епархии. С декабря 1924 года некоторое время управлял Псковской епархией, а с 20 февраля 1925 года – Велико-Устюжской. 10 марта того же года был назначен епископом Уральской епархии, к которой отошло и Вольское викариатство. 14 мая 1927 года, по случаю 5-летия обновленчества, был возведен в сан архиепископа. С 1928 года – архиепископ Касимовский, с 1929 года – Рязанский, в 1930 году уволен за штат, хотя с 27 ноября по 26 декабря 1931 года еще пребывал в должности архиепископа Калининского. Затем, как он пишет в автобиографии по поводу прекращения им своего участия в обновленческой организации, “создавшаяся нетерпимая обстановка в таковой и невозможность направить дело на надлежащий путь, вынудили меня оставить работу здесь, так как я хорошо понимал, что обновленчество и прочие группировки, заполнившиеся разными проходимцами и карьеристами, наносят большой вред авторитету власти”.

Разочаровавшись в обновленческом движении, Михаил Постников с 1934 года переходит на гражданскую службу – юрисконсультom различных советских госучреждений, а именно: артели инвалидов “10-летие Октября” в г. Павлове-Посаде, артели инвалидов “Красная Охрана” в Москве, а также, по совместительству, обслуживал и еще несколько артелей – “Труд и Быт”, “Проводник”, “Красный Обувщик” и др. В ноябре 1941 года был назначен заместителем заведующего Куйбышевским отделом социального обеспечения г. Москвы, с 1 декабря 1942 года – юрисконсультom Мосгорсобеса, а с марта 1943 года, по совместительству, был прикомандирован к Таганскому райпищеторгу г. Москвы для приведения в порядок гражданских и уголовных дел.

5 ноября 1943 года на заседании Священного Синода он принес покаяние за свое участие в обновленческом движении и был принят в общение с Московской Патриархией в сане епископа. Как развивались события дальше, он пишет в своей автобиографии: “В ноябре 1943 г. по призыву почившего Патриарха Сергия я стал принимать участие в сослуже-

нии с ним в свободные от работы дни, прося не давать мне какого-либо назначения на кафедру; в феврале 1944 г. неожиданно для меня я получаю назначение на Архангельскую кафедру, но состояние моего здоровья лишило меня возможности выполнить волю почившего Патриарха Сергия, в июне 1944 г. у Патриаршего Местоблюстителя, ныне Патриарха Алексия, было намерение командировать меня на Уфимскую кафедру; с одной стороны, малярийная местность в Уфимской епархии, а с другой – необходимость вести научную работу на степень доктора исторических наук, для которой все основные материалы хранятся в московских библиотеках, вынудили меня просить не назначать меня в Уфу. Наконец, в июле 1944 г. мне вручают указ о назначении меня епископом Пензенским и Саранским, от какого-то назначения я не уклонился. Но так как я состоял на государственной службе, то я предупредил (а к тому времени я был инвалидом 3-й группы, но с крайне ограниченным рабочим днем и с наименьшим движением), что если ВТЭК признает меня инвалидом 2-й группы, тогда я получу освобождение от работы в госучреждениях и вступлю в управление Пензенской и Саранской епархиями. РВТЭК вновь признал меня инвалидом 3-й группы с нормированным рабочим днем, после чего мне было предложено передать дело на пересмотр в ЦентрВТЭК, который после детального и тщательного обследования признал меня инвалидом 2-й группы, после чего я получил освобождение от работы в госучреждениях и направился в Пензу для управления Пензенской и Саранской епархиями”.

Таким образом, епископом, время управления которого Пензенской епархией пало на военные и первые послевоенные годы, был образованнейший человек, имеющий богословское, медицинское, историко-филологическое и юридическое образование, окончивший консерваторию, свободно владеющий греческим, латинским, немецким, французским, литовским, польским, а также и некоторыми другими языками, но... очень и очень больной человек. 26 января 1947 года он был переведен на Ивановскую кафедру, а на его место вновь был назначен епископ Кирилл (Поспелов).

Деятельность Русской Православной Церкви на территории Пензенской области в годы Великой Отечественной войны строилась по двум основным направлениям. Первое – это открытие новых храмов в епархии и связанное с ним укомплектование штата священнослужителей. Второе – сбор средств на разные патриотические цели.

Что касается первой, и наиглавнейшей для Церкви задачи, то, как уже отмечалось, большинство постулавших к уполномоченному по делам

РПЦ ходатайств об открытии церквей отклонялось. Мотивами для этого служили разные причины: плохое состояние церквей, предлагаемых к открытию, использование их под культурно-хозяйственные цели, отказ подписавшихся под заявлениями от своих подписей, то есть их якобы фальсификация. Довольно часто инициаторам открытия храмов инкриминировались корыстные цели, которые те будто бы при этом преследовали, пытаясь получить контроль над церковной суммой. То есть уполномоченный брал на себя роль провидца, знающего истинные побуждения активистов оживившейся религиозной жизни. Что касалось регистрации священнослужителей на право совершения ими богослужений и церковных треб, то здесь также имелась возможность препятствовать привлечению в епархию квалифицированного духовенства. Поводом к отказу в регистрации могла быть их судимость в прошлом. Ну а кто же из священнослужителей не пострадал во время репрессий?! Так с самого начала разрешения религиозной деятельности был поставлен заслон укомплектованию штата епархии опытными кадрами.

В четвертом квартале 1944 года Пензенским облисполкомом наконец-то были вынесены положительные заключения по удовлетворению некоторых ходатайств верующих – об открытии церквей в Николо-Пестровке Иссинского района, Лопатино Чаадаевского района, Ершово Поимского района, Мироносицкой в Пензе и молитвенного дома в Сущевке Колышлейского района²⁴⁸. В первом квартале 1945 года все они были открыты. Таким образом, на 1 апреля 1945 года в Пензенской области стало 7 действующих церквей. Естественно, что они не могли удовлетворить запросов всех верующих, поэтому самовольное совершение богослужений и треб продолжалось: в Нижнем Аблязове Кузнецкого района – священником Катетовым, в Большом Вяесе Большевьясского района – священником Леоновым и диаконом Кедровым, в Аришке того же района продолжал действовать самочинный молитвенный дом, где духовно окормлял прихожан священник Левицкий.

В отчете уполномоченного за 2-й квартал 1945 года отмечалось, что в с. Мещерском Сердобского района под Крещение в 12 часов ночи группа верующих во главе с монашкой ходила на реку для молитвы, в с. Кучках группа верующих на Пасху пела под открытым небом духовные песни, в с. Крыловке Свищевского района в праздничные дни монашками совершаются службы у колодца, в с. Большом Мичкасе Нижнеломовского района иеромонахом Серовым совершаются службы в частных домах, причем местный райисполком, в отличие от уполномоченного, руководствовавшегося инструкциями центра, считал это вполне нормальным.

Во 2-м квартале 1945 года открылось еще две церкви – в Нижнем Аблязове Кузнецкого района и районном центре с. Поиме. В 3-м квартале было разрешено к открытию и были открыты 7 церковных зданий – 6 церквей (в Юлово Мокшанского р-на, Тешняре Сосновоборского р-на, Головинской Варезке Каменского р-на, Колесовке Башмаковского р-на, Козлятском Н-Ломовского р-на, Вадинске) и 1 молитвенный дом (в Новых Пичурах Наровчатского р-на). В 4-м квартале – еще 5 храмов (в Калиновке Пачелмского р-на, районном центре Салтыково, Соловцовке Кондольского р-на, Хованщино Бековского р-на и в Малой Ижморе Земетчинского р-на). То есть всего к началу 1946 года в области действовало 19 храмов и 2 молитвенных дома.

В 1-м квартале 1946 года к ним прибавился только один храм – в Русской Норке Шемышейского района. Во 2-м квартале того же года епископом Михаилом были освящены уже открытые храмы в Поиме, Ершово, Сушевке и вновь открыты церкви в Сердобске, Беднодемьяновске, Липовке Соседского района и Большом Мичкасе Нижнеломовского района, а всего действующих стало уже 26, семь из которых удалось отремонтировать. В 3-м квартале была освящена церковь в Соловцовке и открылись церкви в Вазерках Бессоновского района, Аришке Большевьяского района и Успенская в Мокшане, занятая до этого времени, как и многие, под склад зерна. К 1 октября почти все церкви (27 из 29) были отремонтированы. В последнем квартале 1946 года состоялось освящение ранее открытой церкви в Юлово Мокшанского района и открытие храма в Плетневке Свищевского р-на. Число действующих церквей и молитвенных домов на 1 января 1947 года достигло тридцати. Причем в 16 из 41 существовавшего в области района не имелось ни одной действующей церкви.

Сводная таблица открытых при епископе Михаиле (Постникове) церковных зданий по времени их ввода в действие выглядит следующим образом:

1. Митрофановская церковь в Пензе – уже действовала.
2. Казанская церковь в Кузнецке – уже действовала.
3. Николо-Пестровка Иссинского р-на – 1 кв. 1945 г.
4. Лопатино Чаадаевского р-на – 1 кв. 1945 г.
5. Ершово Поимского р-на – 1 кв. 1945 г.
6. Мироносицкая церковь в Пензе – 1 кв. 1945 г.
7. Сушевка Колышлейского р-на – 1 кв. 1945 г.
8. Нижнее Аблязово Кузнецкого р-на – 2 кв. 1945 г.
9. Поим Поимского р-на – 2 кв. 1945 г.

10. Юлово Мокшанского р-на – 3 кв. 1945 г.
11. Тешнярь Сосновоборского р-на – 3 кв. 1945 г.
12. Головинская Варежка Каменского р-на – 3 кв. 1945 г.
13. Колесовка Башмаковского р-на – 3 кв. 1945 г.
14. Козлятское Н-Ломовского р-на – 3 кв. 1945 г.
15. Вадинск Вадинского р-на – 3 кв. 1945 г.
16. Новые Пичуры Наровчатского р-на – 3 кв. 1945 г.
17. Калиновка Пачелмского р-на – 4 кв. 1945 г.
18. Салтыково Салтыковского р-на – 4 кв. 1945 г.
19. Соловцовка Кондольского р-на – 4 кв. 1945 г.
20. Хованщино Бековского р-на – 4 кв. 1945 г.
21. Малая Ижмора Земетчинского р-на – 4 кв. 1945 г.
22. Русская Норка Шемышейского р-на – 1 кв. 1946 г.
23. Сердобск – 2 кв. 1946 г.
24. Беднодемьяновск – 2 кв. 1946 г.
25. Липовка Соседского р-на – 2 кв. 1946 г.
26. Большой Мичкас Н-Ломовского р-на – 2 кв. 1946 г.
27. Вазерки Бессоновского р-на – 3 кв. 1946 г.
28. Аришка Большевьяского р-на – 3 кв. 1946 г.
29. Успенская церковь в Мокшане – 3 кв. 1946 г.
30. Плетневка Свищевского р-на – 4 кв. 1946 г.

Особое значение в жизни епархии имело открытие Мироносицкой (Успенской) церкви в Пензе, где разместились архиерейская кафедра, в результате чего эта церковь получила значение кафедрального собора. До того в Успенском храме размещался военный склад. Епископу Михаилу удалось добиться и возвращения церковного имущества, переданного при его закрытии в 1934 году в Пензенский краеведческий музей.

Рост числа священнослужителей в области протекал следующим образом:

- на 1 октября 1944 г. – 6 священников, 3 диакона;
- на 1 января 1945 г. – то же самое;
- на 1 апреля 1945 г. – 9 священников, 3 диакона;
- на 1 июля 1945 г. – 12 священников, 3 диакона;
- на 1 октября 1945 г. – 17 священников, 4 диакона;
- на 1 января 1946 г. – 23 священника, 3 диакона;
- на 1 июля 1946 г. – 39 священников, 9 диаконов;
- на 1 октября 1946 г. – 48 священников, 17 диаконов;

На момент отъезда из Пензы епископа Михаила (Постникова) кроме 47 священников (12 в городах и 35 в селах) и 16 диаконов (8 в

городах и столько же в селах) церкви области обслуживали: 4 псаломщика (1 в городе и 3 в селах), 7 регентов (4 в городах и 3 в селах), 45 штатных (в городах) и 32 нештатных (в селах) певчих и 48 служащих по найму в церковных приходах (10 в городах и 38 в селах).

В чем же заключалась патриотическая деятельность Пензенской Церкви в годы войны? Ее можно разделить на духовную и материальную помощь. Что касается первой – другими словами, моральной поддержки – здесь все понятно и не требует особых пояснений: она давала людям силы выстоять в нелегкой тыловой жизни, которая была направлена на одно – дать фронту все, что можно. А потому она неизмерима. Материальная же помощь имеет свое денежное выражение, но, естественно, никогда и нигде в советской печати не освещалась. Поэтому и заслуживает того, чтобы сказать о ней подробнее.

Еще до назначения в Пензу архиерея единственная действующая в городе Митрофановская церковь начала делать перечисления на разные патриотические цели: в 1943 г. – 735 тыс. руб., за 1-ю половину 1944 г. – 195 тыс. руб., то есть всего за это время – 930 тыс. руб., да еще теплых вещей – на 52 тыс. руб. Для сравнения скажем, что вклад всех работников литературы и искусства Пензы в фонд обороны, как было отмечено в газете “Сталинское знамя” от 9 декабря 1942 года, составил 500 тыс. рублей, работники завода “Кузтекстильмаш” собрали на тот же период на строительство авиаэскадрилий 261 с половиной тысячу рублей²⁴⁹.

Средства Пензенской Церкви (Митрофановской и Казанской церквей) направлялись на следующие нужды: в фонд обороны, в фонд помощи семьям военнослужащих, в фонд инвалидов Отечественной войны, на подарки бойцам, на военный государственный займ. Распределение средств за три первых квартала 1944 года выразилось в таких цифрах (первая колонка соответствует отчислениям Митрофановской церкви, вторая – Казанской):

Фонд обороны –	100 000	–
Фонд помощи семьям военнослужащих –	30 000	315 000
Фонд инвалидам –	75 000	80 000
На подарки бойцам –	–	10 000
На 3-й военный государственный займ –	499 500	300 000
На благоустройство города (кладбищ) –	–	50 000
Сдано облигаций займа –	499 500	500 000
Сдано билетов денежно-вещевой лотарей –	–	10 000
Всего:	1 204 000	1 265 000

Таким образом, за неполный 1944 год от Пензенской Церкви поступило на нужды государства 2 млн. 469 тыс. руб. Опять же для сравнения скажем, что бюро Кузнецкого горкома партии 29 декабря 1943 года подвело итог месячника помощи семьям фронтовиков, отметив, что за это время был создан денежный фонд в размере 157 900 руб.; 26 ноября 1944 года в Пензе состоялся первый общегородской воскресник помощи семьям фронтовиков, на котором было заработано 569 000 руб., перечисленных в фонд помощи семьям военнослужащих²⁵⁰.

В 4-м квартале 1944 года Митрофановская церковь еще перечислила в фонд помощи семьям 260 000 руб. и на эвакогоспитали – 10 000 руб. В 1-м квартале 1945 года в фонд помощи детям и семьям военнослужащих от церквей поступило: по Пензе – 400 000 руб., по Кузнецку – 100 000 руб. Во втором квартале к сбору средств на помощь фронту подключились еще пять новых церквей, в том числе и Мироносицкая в Пензе. Всего было собрано 2 млн. 72 тыс. руб.:

	Пенза	Кузнецк	Ершово	Ник. Пестровка	Сушевка
Детям и семьям	100 т. р.	40 т. р.	-	-	2 т. р.
Инвалидам	-	45 т. р.	-	-	-
4-й военный гос. займ (наличными)	831 т. р.	537 т. р.	4 т. р.	11 т. р.	2 т. р.
Внесено облигациями	-	500 т. р.	-	-	-
Всего (тыс. руб.):	931	1122	4	11	4

В 3-м квартале поступило 351 720 руб., из них в фонд детям и семьям – 96 720 руб., в фонд инвалидам – 45 000 руб. (из Кузнецка), на 4-й государственный займ – 210 000 руб. (из Лопатино). Распределение поступлений в фонд детям и семьям по районам было следующим: Пенза – 50 000, Кузнецк – 30 000, Ершово – 10 000, Никольская Пестровка – 2220, Сушевка – 2000, Лопатино – 500, Нижнее Аблязово – 2000 рублей.

Всего же за 1945 год церквями Пензенской области было собрано 4 697 700 руб., из них 2 997 800 наличными и 1 700 000 облигациями 4-го государственного займа. По районам это выглядело так:

Пенза – 1 980 000 руб. наличными и 1 200 000 руб. облигациями.

Кузнецк – соответственно 909 000 и 500 000 рублей.

Остальные вносили только наличными: Ершово – 37 100, Ник. Пестровка – 22 000, Лопатино – 40 100, Сушевка – 7600, Нижнее Аблязово – 2.000 рублей.

Из всех этих денег лично духовенством было внесено 232 000 руб. (116 000 наличными и столько же облигациями).

Более 8 млн. рублей – таков итог участия прихожан и духовенства восьми церквей области в помощи фронту, из которых львиная доля приходится на три церкви – Митрофановскую и Мироносицкую в Пензе и Казанскую в Кузнецке.

Более всех отличился настоятель Казанской церкви г. Кузнецка протоиерей Авраамий Петрович Михайлов, получивший за время войны три благодарности Сталина за оказанную фронту денежную помощь. Первая благодарность от 30 декабря 1943 года ему была дана за пожертвование на боевые авиаэскадрильи 150 000 руб. и на теплые вещи бойцам: от церковного совета – 100 000 руб. и от него лично – 115 000 руб. Второй благодарности от 2 ноября 1944 года он удостоился за пожертвование в Фонд помощи семьям военнослужащих 230 тысяч рублей (по 115 000 руб. от церковного совета и от него лично). И, наконец, третья благодарность ему пришла за пожертвование на танковую колонну им. Димитрия Донского: 50 000 руб. от церковного совета Казанской церкви и 25 000 руб. от него. Кроме того, протоиерей Михайлов стал инициатором установки на кладбище г. Кузнецка памятника бойцам, умершим в госпиталях города, который был изготовлен на церковные средства к 29-й годовщине Октябрьской революции. После окончания войны он был награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” Такие же медали получили епископ Пензенский и Саранский Михаил и протоиерей Александр Дмитриевич Зарин, внесший за 1945 год на патриотические цели 22 000 рублей.²⁵¹

Помощь государству со стороны Церкви продолжалась и после окончания войны, но теперь уже, главным образом, деньги шли на восстановление народного хозяйства страны. 1 534 066 рублей наличными было передано только во 2-м квартале 1946 года, из них 1 462 100 руб. – на восстановление разрушенного войной хозяйства, 56 966 руб. – в фонд детям и 15 000 руб. – в фонд инвалидам. Всего же за 1946 год было собрано взносов на сумму 3 157 449 руб., в том числе личные сбережения священнослужителей составили 292 825 руб.

Военное время несколько отодвинуло внимание уполномоченного от контроля за религиозной жизнью в области. Однако засушливая весна 1946 года заставила его об этом вспомнить, поскольку по области стихийно прокатилась волна несанкционированных молебствий о дожде. Это было нарушением инструкции, по которой верующим разрешалось совершать крестные ходы и молебствия вне действующих церквей только по большим праздникам – на Пасху, Крещение и Преполование Пятидесятницы. В своем отчете за 2-й квартал 1946 года уполномоченный отме-

чал, что молебствия совершались не только в открытых церквях, но и в селениях, где их нет, – у колодцев, родников, на кладбищах, причем не только священниками, но и монашками, начетчиками, бывшими церковными певчими, и при этом особо подчеркивал, что они в большинстве случаев проходили с разрешения местной власти, которая даже предоставляла транспорт для доставки в селения священнослужителей. Местная власть, с которой осенью спросится за урожай, готова была на все, лишь бы пошел дождь, – даже способствовать чуду. Характерная черта русского человека, в котором, казалось бы, вытравили уже веру в Бога, но которая постоянно проявляется в экстремальных ситуациях! Конечно, указанные в отчете уполномоченного сведения о том, что молебствия прошли в 16 районах по 23 селам, были далеко не полными – он ведь пользовался рассказами об этом в основном самих священнослужителей или верующих, которые, конечно, не могли дать полной картины обращения населения области к помощи Божией во время засухи, особенно страшной для послевоенной разрухи. Поэтому, скорее всего, такие явления были повсеместными. В этом отчете особенно важны подтверждения состоявшегося в разных местах после молебствий чуда. Так, отмечая, что в Абашево Беднодемьяновского района с 30 мая на протяжении полутора недель старухами-монашенками непрерывно совершались молебствия, он подчеркивает – “был хороший дождь”. То же самое говорится им по поводу состоявшихся молебствий в с. 1-е Тарлаково Кузнецкого района, у часовни на кладбище, – “после молебствия был дождь”; в с. Белогорке Мокшанского района (на Троицу, 9 июня), у колодца в 1 км от села, – “после молебствия был небольшой дождь”; в с. Плетневке Свищевского района, 30 мая на роднике, – “после был дождь”.

Представляет интерес содержание двух частных писем, выдержки из которых были включены в информационную записку о фактах проведения молений и крестных ходов, составленную заведующим организационно-инструкторским отделом Пензенского обкома ВКП(б) Я. Ероховым для управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б). Трудно поверить, чтобы эти письма, адресованные близким родственникам, могли стать достоянием партийных органов каким-либо другим способом, кроме перлюстрации. Так, в одном из них некая Кузина, проживающая в Терновском районе, сообщает: “По соседству от нас проживают мордва, они три дня не гоняли скотину в стадо и три дня ни один человек не кушал, не исключая и детей, даже грудных, было очень страшно, скотина ревет, люди три дня стояли на коленях и плакали. После этого пошел дождь-ливень и смочил землю на 50 см”. В другом письме прожива-

ющая в Кучкинском районе гражданка Сазанова писала своему сыну: “Вчера в полдень весь народ был на холодном роднике. Все, старые и молодые, согнали туда же и скотину, подняли образ Ильи-пророка и как плакали, жутко. Стояли на коленях по 11 часов. Никто не ушел и не ел. Солнце жгло, не было сил, но вот где-то вдали послышался гром, все не верили себе, что это правда. Вскоре появились тучи, все небо в огне, удары грома. Народ ни с места, стояли и молились, и пошел дождь. Благодарим Бога за милость”.²⁵²

Все это говорило об оживлении религиозной жизни, поэтому внимание за ее состоянием теперь становится со стороны уполномоченного более пристальным, для чего он начинает взаимодействовать с партийными органами. Конечно, архивные документы райкомов могут дать более богатую пищу для размышлений, но даже и один сообщенный уполномоченному инструктором Поимского райкома ВКП(б) случай говорит о “вопиющих” успехах религиозной пропаганды, которая в стране хотя и была запрещена, но непосредственно велась уже самим фактом открытия церквей. Так, инструктор в отношении поимской церкви отмечает, что ее “посещает много молодежи и что многие венчаются в церкви, даже члены партии”, и приводит затем фамилии “преступников”: Гурин – секретарь парторганизации в колхозе им. Калинина; Чеснокова – учительница и секретарь парторганизации; Асташкин – киномеханик, комсорг (за что ему был вынесен строгий выговор), Дряхлова – секретарь парторганизации в с. Ольшанке Поимского района.

Кирилл (Поспелов), 1947–1953

18 февраля 1947 года епископ Михаил (Постников), назначенный на Ивановскую кафедру, выбыл к месту своего нового назначения, и 21 февраля в управление Пензенской епархией вступил бывший епископ Ивановский и Шуйский **Кирилл (Поспелов)**²⁵³, которого мы уже встречали как первого пензенского архиерея возрождающейся Церкви, занимавшего эту должность с марта по июль 1944 года. Первый его срок пребывания в Пензе был весьма недолгим. Но прежде чем коснуться возможной причины, побудившей его тогда покинуть Пензенскую епархию, мы вначале познакомимся с его биографией.

Родился Леонид Николаевич Поспелов²⁵⁴, как его звали в миру, 20 марта 1876 года в селе Можаровке Городищенского уезда Пензенской губернии в семье псаломщика, умершего через несколько лет после рождения сына, который, лишившись главного кормильца, смог не только

окончить духовное училище, но и в 1898 году Пензенскую духовную семинарию. В октябре того же года он был рукоположен во диакона к Александро-Невскому собору г. Баку, где в 1906 году состоялось и его посвящение во иерея. В декабре 1913 года он был переведен в Саратов, и тоже к Александро-Невскому собору, а в январе 1914 года стал еще выполнять обязанности законоучителя 1-й Саратовской женской гимназии. Получив сан протоиерея и являясь благочинным городских церквей, за свою усердную службу был награжден митрой. После революции – ключарь Саратовского кафедрального собора. За отъездом из Саратова правящего епископа Иова протоиерей Пospelов, хоть и не признал обновленчество, тем не менее фактически примкнул к нему, продолжая оставаться на своем посту и при обновленческом епископе. Однако вскоре же, после приезда в Саратов нового законного епископа, вернулся в лоно Православной Церкви. В начале 1920-х годов принимал активное участие в помощи голодающим Поволжья, для чего с мандатом ЦК Помгола объездил всю Украину и Белоруссию в поисках хлеба для голодающих и вернулся в Саратов, сопровождая состав с мукой, о чем писала тогда даже центральная газета “Правда”. Однако заслуги его перед жителями Саратовского края не спасли его от репрессий 30-х годов. После десятилетней службы в саратовской Покровской церкви он в 1934 году был арестован и отправлен в Павлодарскую область, где находился до 1937 года. Затем его определили в Алма-Атинскую сельскохозяйственную колонию № 9 НКВД при станции Чамалган, где он пробыл до 30 июня 1943 года, после чего был амнистирован и с 10 июля 1943 года стал работать ночным конюхом при Актюбинской хирургической больнице. В том же году в Актюбинске протоиерею Пospelову даже удалось по разрешению местного горсовета совершить патриотическую панихиду по погибшим в годы войны защитникам Родины. В марте 1944 года он был вызван в Москву Патриархом Сергием, подписавшим 27 марта того же года указ об образовании Пензенской епархии (на основе Пензенской области и Мордовской АССР) и назначении на Пензенскую кафедру протоиерея Пospelова – после его пострижения, наречения и хиротонии. 29 марта Леонид Николаевич, оvdоверивший к тому времени, постригся в монахи, получив новое имя – Кирилл, а 1 апреля 1944 года был хиротонисан во епископа Пензенского и Саранского.

В это время, как нам уже известно, в Пензенской области действовали только две церкви – в Пензе и Кузнецке. Лишенные на долгое время необходимого архипастырского надзора, настоятели этих церквей чувствовали себя в своих вотчинах полными хозяевами. И вот, в Пензу при-

бывает иерарх, которого первое до того лицо среди пензенского духовенства – благочинный и настоятель Митрофановской церкви Виноградский, двоюродный брат назначенного архиерея, не только должен был ввести в курс всех дел, но и дать ему отчет о своей деятельности. Естественно, что любой Владыка должен знать не только то, как его подчиненные выполняют свои прямые пастырские обязанности, но и насколько их нравственный облик соответствует тому образцу священнослужителя, отступление от которого чревато самыми серьезными последствиями для Церкви. А надо заметить, что настоятель пензенской церкви, мягко говоря, не отличался безупречным поведением в быту, и епископу Кириллу это наверняка сразу же стало известно. Родственные увещания, надо думать, ни к чему не привели, поскольку в Митрофановской церкви вскоре образовалась оппозиция своему архиерею. Чувствуя, что он зашел слишком далеко в столкновении с епархиальной властью, Виноградский решает перебраться в Киевскую епархию, но напоследок посылает уполномоченному на своего епископа самый настоящий донос, которого в недавние 30-е годы было бы достаточно, чтобы человеку после этого исчезнуть без следа. Возможно, что все это и не было изложено на бумаге, а сказано им в запальчивости при личной встрече с уполномоченным, а затем уже записано последним “на всякий случай”. Чтобы не быть голословным, процитируем его заявление: “Кирилл – бывший кулак, помещик, ему не место в пределах Советского Союза, он большой эксплуататор, имел свой хутор, землю и сад в 18 км от Пензы (с. Константиновка)”, к “епископу ходят всякие кликуши бродячие, он их любит, с ними всю ночь проводит в беседах. К тому же иеромонах “Сысой”, приехавший с епископом из Казахстана, имеет три судимости, был в трех ссылках, в настоящее время не прописан и не зарегистрирован, но с разрешения епископа проводит службу”. А в заключение настоятель добавляет: “С епископом я работать не хочу. Он горе-архиерей, а не епископ, плохой патриот и политически недальзоркий, называет народ голодающим и собирает их к себе на обед по 20 человек. Как проповедник – некудышный, проповеди бестолковые, большой вымогатель, верующие по его требованию носят ему и продуктами – сумками и мешками, и деньгами, все это он скрывает от братии”. Но местная

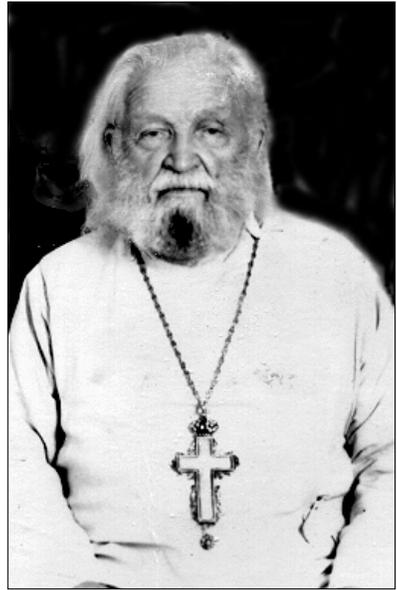

власть, не желая, видимо, осложнять свои отношения с только что назначенным архиереем и не найдя необходимого подтверждения этим наговорам, дала свою оценку низкому поступку благочинного, вынеся такое заключение: “Обратить внимание Московской Патриархии на недопустимое и непристойное поведение благочинного и настоятеля Митрофановской церкви Виноградского, который с целью устранения епископа Кирилла (Поспелова) дискредитирует его посредством распространения ложных слухов про епископа при помощи созданной им группировки из состава “двадцатки”...” По-видимому, Виноградский вскоре покинул нашу область, но и архиерей счел за лучшее удалиться из епархии, так его нелюбезно встретившей.

11 июля 1944 года он был назначен епископом Ташкентским и Среднеазиатским, а 20 июня 1946 года, по состоянию здоровья, перемещен на место управляющего Ивановской епархией. И вот, 27 января 1947 года епископ Ивановский и Шуйский Кирилл и епископ Пензенский и Саранский Михаил поменялись кафедрами.

Направление епископа Кирилла в родную область состоялось по его просьбе. К этому времени ему уже исполнилось 70 лет. Возраст преклонный, и хотелось закончить свой век на родине. За время его отсутствия в епархии произошли изменения: и в количестве действующих храмов, которых насчитывалось уже тридцать, и среди духовенства, численно тоже значительно выросшего. С одной стороны, сейчас ему было легче, чем вначале, так как жизнь в епархии уже вошла в более или менее нормальную колею, но с другой стороны – предстояла притирка к пустившему уже корни духовенству, а в таком возрасте и при его мягкости характера, иногда даже переходящей в старческую сентиментальность, управлять людьми становится трудно. Нужен был помощник, и он нашелся. Им стал недавно рукоположенный во иерея Михаил Анатольевич Лебедев – один из лучших в прошлом выпускников Пензенской духовной семинарии, окончивший в 1915 году Петроградскую духовную академию, долгое время работавший в советских школах преподавателем истории и обществоведения, но лишенный затем за свои религиозные убеждения права преподавания в г. Пензе и вынужденный скитаться по районным школам в поисках заработка. В совершенстве зная еще с детства весь чин богослужений, он 1 августа 1946 года, в возрасте уже 56 лет, был посвящен в г. Саранске в диаконский, а на следующий день и в иерейский сан епископом Михаилом (Постниковым), и, скорее всего, не без рекомендации последнего, был приглашен уже новым пензенским архиереем Кириллом (Поспеловым) на должность настоятеля Успенского кафедраль-

ного собора (Мироносицкой церкви). Это произошло 11 марта 1947 года. Для второго священника Саранского Иоанно-Богословского собора стать настоятелем главного храма епархии с возведением в сан протоиерея со всего лишь полугодовым стажем священства было не просто повышением, а свидетельствовало, прежде всего, о том высоком доверии, которым наделил Лебедева новый архиерей. Надо заметить, что последующий епископ Пензенский и Саранский Леонид, поступивший на место умершего епископа Кирилла, еще более приблизил к себе протоиерея Лебедева, сделав его своим секретарем. Господь даровал ему долгие лета жизни. Скончался он в 1979 году, в возрасте 89 лет, на 25 лет пережив своего Владыку Кирилла. Неизвестно, как бы встретило “чужака” пензенское духовенство, если было бы к чему придаться. Но образованнейший человек – единственный с высшим богословским образованием в то время, прекрасный семьянин, отличный проповедник, живо интересующийся вопросами современной жизни, аккуратный и исполнительный, а главное – очень и очень религиозный, что исключало любую возможность заподозрить его в какой-либо корысти, – все это не только обезоруживало его потенциальных недоброжелателей, но скоро сделало Лебедева всеобщим любимцем и паствы, и духовенства.²⁵⁵

Казалось бы, начало 1947 года не предвещало в религиозной жизни области никаких ухудшений. Напротив, намечалось если даже и не явное улучшение ее, то стабилизация. В 1-м квартале епископом Кириллом были поставлены вопросы о создании епархиального совета и об организации богословских курсов. Правда, последний вопрос, который поднимался еще прежним епископом, уполномоченному и сейчас удалось отклонить, сославшись на отсутствие подходящего для этого помещения. Состояние отремонтированных церквей приносило прихожанам и духовенству удовлетворение и радость. Как писал в своем отчете уполномоченный, “верующие при открытии церквей по их ходатайствам искренне благодарят советскую власть за это. От общин, где производилось освящение храмов епископом, по просьбе верующих посылались приветственные телеграммы любимому вождю народов Иосифу Виссарионовичу Сталину, в кото-

рых верующие выражали благодарность за его доброе отношение к религиозным потребностям народа”. Еще 22 августа 1945 года епархиям дано было хоть и ограниченное, но все же право юридического лица, отобранное у Церкви еще ленинским декретом 1918 года. Тогда же был разрешен и колокольный звон, что верующими было встречено особенно восторженно, и на имя Сталина вновь посыпались благодарственные телеграммы, подкрепленные для весомости даже сообщениями о сборе верующими денег на погашение очередного государственного займа. Местной властью в конце 1945 года была оказана конкретная помощь епископу в приобретении семи колоколов из утильсырья, так почему-то и не побывавшихся на индустриализацию страны, которая когда-то послужила поводом для их повсеместного снятия. Поступившее из Московской Патриархии в начале 1947 года распоряжение о прекращении отчислений денег на патриотические цели давало возможность рассчитывать на повышение благосостояния духовенства, многие представители которого десять лет тому назад были лишены не только своего имущества и свободы, но и жизни. Во 2-м квартале 1947 года были вновь открыты две церкви – Параскевинская в Кузнецке и Михайло-Архангельская в с. Лермонтово, в 4-м квартале – молитвенный дом в г. Чембаре.²⁵⁶

Но все это было только на поверхности. В глубине взаимоотношений между государством и Церковью наступало уже охлаждение со стороны первого из них. Озабоченное ростом популярности Церкви среди простого народа, государство, в лице Совета Министров, в феврале 1947 года порекомендовало Патриарху прекратить сборы на патриотические цели. А для компенсации этих потерь духовенство и прихожане были обложены обязательной подпиской на государственные займы восстановления народного хозяйства.²⁵⁷ С этого времени в отчетах уполномоченного Совета по делам РПЦ по Пензенской области отдельной строкой появляется статья доходности приходов и духовенства. В соответствии с предписанием Патриарха, 25 февраля 1947 года появилось распоряжение всем настоятелям Пензенской епархии, которое гласило: “В связи с тем, что Правительство СССР проводит большую работу по обеспечению и устройству инвалидов и детей-сирот Отечественной войны и для этой цели отпускаются вполне достаточные средства, Московская Патриархия находит возможным впредь не производить специальные денежные сборы на эти цели. Патриотическая деятельность церкви должна выражаться в призывах честно трудиться и тем самым помочь быстрейшему восстановлению разрушений, нанесенных войной. Добровольные пожертвования в пользу инвалидов и детей-сирот Отечественной войны не исключаются

совершенно, а желательны по мере того, как это будут позволять церковные средства”²⁵⁸. Таким образом навязанная Церкви “инициатива” государства была облечена в достаточно пристойную для него форму.

Назначение М. А. Суслова на пост секретаря ЦК ознаменовало собой поворотный момент в политике партии и государства по отношению к состоянию религиозности в стране. Ему была дана от Сталина установка – “не забывать об атеистической пропаганде среди народа”, хотя и подчеркивалось, что вопрос этот на то время не является самым главным. Правда, последних слов можно было и не говорить, поскольку это было ни что иное, как обычное, свойственное вождю, лицемерие. На то она и есть установка, тем более из уст тирана, что предполагает собой незамедлительную разработку долговременной программы.

Что касается дальнейшего открытия в нашей области церквей, то сопоставление этих показателей за разные годы со всей очевидностью свидетельствует о сворачивании этой деятельности: в 1945 году было открыто 19 храмов и молитвенных зданий, в 1946 году – 9, в 1947 году – лишь 3, в 1948-м – ни одного. За все время, с 1944-го по 1 июля 1949 года, от верующих поступило 520 ходатайств из 179 населенных пунктов об открытии храмов, а удовлетворено было всего только 89 заявлений из 31 места²⁵⁹.

Картина состояния религиозности в Пензенской области на 1-й квартал 1947 года не вызывала пока серьезных опасений у местных властей: “Большая посещаемость церковью верующими бывает в большие праздники, когда они совпадают с выходными днями, особенно в городах: посещают не только старики, старухи и средний возраст, но бывает и 10–20% молодежи. В воскресные же дни посещаемость средняя, то есть без труда можно пройти с места на место. В некоторых сельских церквях (Лопатино, Аблязово) и в воскресные дни плохая посещаемость. В основном посещающие бывают из прилегающих и даже дальних селений, местное же население посещает церковь мало, так как местные жители в воскресенье уходят на базары в районные села за 20–30 км. В будние дни в большинстве сельских церквей службы не производятся. Великим постом, за отсутствием говеющих, во многих сельских церквях службы начали производить только с третьей, четвертой недели поста, и то при ограниченном количестве говеющих. Службы начинались только в четверг с вечерни. В большие праздники, приходящиеся на рабочие дни, и в городе посещаемость слабая. Молящиеся в основном – старухи-домохозяйки и крестьянки ближайших сел (то есть женщины) среднего возраста. Из мужчин – старики и инвалиды. Молодежь почти отсутствует”²⁶⁰.

Правда, бывало, что в эти убаюкивающие показатели внедрялись отдельные случаи, заставляющие принимать какие-то чрезвычайные меры. И в результате, спустя некоторое время, например, становилось известно об исключении из партии гражданина Демкина М. И. из Липовки Соседского района за то, что он согласился быть посаженным отцом при венчании брата местного священника; и об исключении из партии 22-летней М. И. Ваняевой, секретаря райфо, за то, что она сама в этот день повенчалась. По-видимому, фактов приобщения людей к религии, в том числе и тех, кому это возбранялось по идейным мотивам, было не так уж и мало, и поэтому с 1 квартала 1947 года в отчетах уполномоченного впервые появляются сведения о числе состоявшихся в области религиозных обрядов: крещений – 924 (из них детей до 1 года – 684, от 1 до 5 лет – 215, старше 5 лет – 25), венчаний – 361 (299 крестьян и 62 служащих), из них первым браком – 331; похорон – 572 (108 – в возрасте до 7 лет, 464 – старше 7 лет), в том числе похоронено религиозно-гражданским обрядом – 24. Во 2-м квартале 1947 года эти показатели стали еще выше – 2011 крещений, 269 венчаний и 28 отпеваний; в 3-м квартале соответственно – 2728, 185 и 51; в 4-м – 2092 крещений и 674 венчаний. С этого времени власть предержавшие хотели точно знать, как бьется пульс у Церкви, – вплоть до того, сколько перешло в православие из других конфессий, хотя здесь счет шел буквально на единицы: 4 человека из раскола да бывший магометанин – в 1-м квартале 1947 года, по 6 человек – во 2-м и 3-м кварталах и 5 человек – в 4-м.

В связи с положительным решением вопроса о создании епархиального совета, в количестве трех человек, необходимость которого епископ Кирилл мотивировал невозможностью, по состоянию здоровья, единолично управлять епархией, встал вопрос о приобретении здания для канцелярии совета, с квартирой для архиерея и приезжающего в епархию духовенства. И вот, 3 августа 1947 года²⁶¹ состоялось освящение епархиального дома. Председатель вновь созданного епархиального совета благочинный пензенских городских церквей протоиерей П. И. Иванисов преподнес своему Владыке Кириллу хлеб-соль, после чего был совершен молебен с призыванием благодати Божией на дом сей и на его обитателей: да сохранит Господь их “от глада, губительства, труса, потопа, огня, меча и нашествия иноплеменник, и всякия смертоносныя раны, и даровати им здравие, и долгоденствием оградити их...”

И вот, уже более пятидесяти лет, как десница Божия распростерлась над Пензенским епархиальным управлением во главе с его управляющи-

ми, охраняя его и их от натиска враждебных Русской Православной Церкви богоборческих сил. И символично, что у Пензенской Церкви свой “штаб” для управления епархией появился именно в тот год, когда началась передислокация вражеских сил. Вскоре этому штабу придется держать долгую оборону, и насколько удастся сохранить ему свои позиции, будет зависеть не только от его начальника, но и от связных, роль которых возьмет на себя духовенство. А для этого надо было осуществить переподготовку священнослужителей, срочно организовав краткосрочные курсы, тем более, что надуманный в свое время уполномоченным аргумент об отсутствии подходящего помещения для этого на сей раз работать уже не мог.

В Пензенской епархии на 1 апреля 1947 года насчитывалось 64 священнослужителя – епископ, 49 священников и 14 диаконов. Из них с высшим образованием был лишь один, 24 – со средним, 13 – со средним специальным (богословским) образованием, 11 – с низшим²⁶². Многие из них, по словам епископа, не только не могли говорить проповеди, но и читать по-церковнославянски, что означало их неспособность полноценно проводить богослужение. Оставляло желать лучшего и нравственное состояние духовенства, которое за годы советской власти стало слишком уж “советским”. И дело здесь даже не в тех пороках, которым всегда было подвержено все наше общество, – как, например, пьянство. Дело было гораздо серьезнее: в своих попытках устроиться в лучшие приходы священнослужители, приходившие по своим делам к уполномоченному, просили его воздействовать на епископа, а в виде аванса “расплачивались” с представителем богоборческой власти сплетнями и наговорами на своего Владыку. Отсюда, как правило, и набирался “компромат” на архиерея, который аккуратно фиксировался уполномоченным и сообщался затем в соответствующие советские и партийные органы. Об истинной цене этого компромата говорит хотя бы тот факт, что после целого набора измышлений, включенных уполномоченным в составленную им на епископа Кирилла (Поспелова) характеристику, он в конце-концов вынужден был признать, что, несмотря на перечисленные в ней факты, “отношение духовенства и верующих к епископу пока серьезного недовольства все же не вызывает”²⁶³.

Наступил 1948 год – год начала атаки на Русскую Православную Церковь. Первая половина его в Пензенской области прошла еще относительно спокойно, с некоторым перевесом в пользу местной Церкви: на попытку архиерея в 1-м квартале организовать миссионерский совет – уполномоченный ответил весьма уклончиво; доходность приходов и ду-

ховенства увеличилась соответственно в 1,5 и 2 раза по сравнению с тем же кварталом 1947 года, но взносов от них на очередной государственный займ поступило меньше, что дало уполномоченному констатировать, будто “церкви и обслуживающее его духовенство становятся на путь личного обогащения”; посещаемость церковей средняя, но в большие праздники в Пензе и Кузнецке народ не помещается в церквях и многие вынуждены стоять снаружи; на Троицу Митрофановскую церковь посетила член первичной организации ВКП(б) швейной фабрики А. Кочеткова, 45 лет, и причастила своего шестилетнего племянника, а придя домой, делилась с соседями: “Я отдохнула в церкви. Мне очень нравится церковная служба!”, о чем уполномоченным было сообщено в райком для принятия соответствующих мер; за 2-й квартал было совершено крещений – 3212, а венчаний – 258; ни одного нового храма в области не открылось.

Однако в последний месяц первого полугодия 1948 года среди жителей Пензенской области произошел резкий всплеск религиозных настроений, и причиной того снова, как и два года назад, стала засушливая весна. Несмотря на предупреждение, сделанное епископу по поводу возможных крестных ходов, он не запретил настоятелям церковей их совершать, что было расценено уполномоченным как нежелание “упускать эффективный случай одурманивания верующих (молебствий о дожде по барометру)”, – это в селах-то барометры! Молебствия прошли во многих районах, причем зачастую опять-таки с разрешения местной власти. И снова в столицу полетело сообщение, в котором говорилось: “Даже эти неполные сведения о дождевых молебствиях говорят, что религиозный дурман еще глубоко держится в сознании некоторой отсталой части населения нашей области. Духовенство же, начетчики, монашки, бывшие церковные певчие и разные другие проходимцы спешат использовать это в своих корыстных целях. А некоторые представители местной власти (председатели сельсоветов, председатели колхозов), не понимая своего отношения как органа советской власти к религии, занимают чуть не покровительственную роль по отношению общин и служителей культа: разрешают (даже письменно) проводить молебствия о дожде, совершать крестные ходы и другие службы, не предусмотренные для проведения под открытым небом, обеспечивают проезд духовенства для этих целей транспортом и т. п.” Оскорбленной власти требовалась немедленная сатисфакция. И она вскоре же последовала в виде решений, поступивших из центра. 25 августа под давлением Совета по делам РПЦ, требующего прекращения всякого рода дея-

тельности церковей вне их ограды, Священный Синод категорически запретил подобные крестные ходы и молебствия, а также разъезды архиереев в период сельских работ по приходам, печатание воззваний, акафистов и других изданий, проведение духовных концертов. Но и внутри церковных стен проникла регламентирующая рука правительства: Священный Синод был вынужден отдать также распоряжение и в отношении проповедей священнослужителей, запрещающее “придавать этим поучениям характер систематических уроков специально для детей”, так как “это является прикровенным нарушением действующего у нас государственного принципа отделения школы от Церкви”. Тем самым религиозное воздействие на детей, а следовательно и воспитание их в христианском духе, сужалось до размеров семьи. Церковь от этого теперь была полностью отстранена. Но это было только начало атаки на Церковь. Отмена Сталиным уже принятого Совмином решения об открытии очередных 28 храмов в стране и решение ЦК ВКП(б) по этому поводу, разосланное во все местные партийные организации, поставили заслон их дальнейшему открытию, и до самой смерти Сталина официально так больше и не появилось ни одной действующей церкви. Более того, часть храмов была отобрана у Церкви назад. За массовые случаи крестных ходов и молебствий под открытым небом священники, повинные в этом, были лишены уполномоченными регистрационных удостоверений на право вести богослужения и совершать требы. Дальнейшее наступление на Русскую Православную Церковь должно было начаться после принятия подготовленного в сентябре 1948 года М. Суловым проекта постановления ЦК ВКП(б) “О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды”. Однако, как уже часто бывало в сталинском окружении, начавшаяся внутриполитическая борьба предполагала несколько продолжений, но окончательный сценарий в конце концов избирался тот, какой более всего устраивал главного режиссера. Так и в этом случае. Проект Сулова не прошел. Затем против Церкви была затеяна провокация, которая началась с разрешения проводить крестные ходы и молебствия на открытых местах. В Саратове оно привело к многолюдным крещенским “водосвятиям”, что немедленно было использовано и для попытки полного разгрома Совета по делам РПЦ, которому инкриминировалось “содействие церковным организациям”. Однако главнокомандующий Страной Советов приказа о решающей атаке на Церковь так и не отдал, решив, что героизм защитников религии, завоевавших уже немалые симпатии по всей стране, а своей миротворческой деятельностью – и за рубежом, все-таки будет менее заметен в осаде, чем во время сражения. Эта политика –

ограничения деятельности Церкви и постепенного отвоевывания у нее занятых позиций – сохранялась до самой смерти главы партии и государства.²⁶⁴

Конец 1948 года ознаменовался в жизни Пензенской епархии торжественным событием – празднованием 50-летнего служения Церкви Христовой Преосвященного Кирилла, епископа Пензенского и Саранского. Юбилей был приурочен к окончанию благочиннического совещания, проходившего с 19 по 21 октября, на котором рассматривались следующие вопросы:

“1) Пересмотр взносов церквей на нужды Патриархии и епархии в связи с открытием Саратовской духовной семинарии, в содержание которой входит и Пензенская епархия, и в связи с открытием пастырских курсов в Пензе.

2) Организация распределительного склада предметов, необходимых при богослужении (вина, ладана, иконок и др.).

3) О взаимной помощи церквей друг другу”²⁶⁵.

21 октября в Успенском кафедральном соборе г. Пензы по случаю 50-летнего юбилея служения в священном сане епископа Кирилла состоялось торжественное богослужение, на котором настоятелем собора протоиереем М. Лебедевым была зачитана биография Владыки, отметившая не только его церковное, но и общественное служение – участие в Саратовской комиссии помощи голодающим в 20-е годы. В своих речах и настоятель собора, и благочинный Мордовской АССР протоиерей П. Любимцев подчеркнули личные качества юбиляра – его кротость, смирение и воздержание. После торжественной части в доме епархиального совета состоялась общая трапеза.

Негласная установка Сталина на прекращение открытия новых церквей сказалась в Пензенской области отказом уполномоченного в открытии третьего по счету храма в Пензе – Покровского. С этой просьбой к уполномоченному обратился сам епископ, который мотивировал ее тем, что в большие праздники обе действующие пензенские церкви не могут вместить всех желающих; в результате двери храмов остаются открытыми, отчего в зимнее время на стенах и сводах образуется конденсат, влияющий и на росписи, и на общее состояние зданий. Однако уполномоченный счел открытие Покровской церкви нецелесообразным, сославшись на то, что такое положение бывает лишь несколько раз в году, в остальное же время обе пензенские церкви вполне обеспечивают запросы верующих, и посоветовал поставить в них для уменьшения сырости вентиляторы.

Под Новый год уполномоченному поступило инструктивное письмо Совета по делам РПЦ № 34 от 3 декабря 1948 года (исх. № 1135/с) , в котором рекомендовалось не препятствовать нормальному проведению богослужений в храмах и домах верующих по их приглашению на Рождество и Крещение, а также совершению рождественских и водосвятных молебнов в сельских населенных пунктах. Как показали последующие события в Саратове, целью этого было одно – спровоцировать массовые выступления верующих, что затем могло быть использовано против них. Для проведения крестных ходов на воду в городах требовалось особое разрешение на то местной исполнительной власти. Однако в Пензе крестные ходы из Мироносицкой и Митрофановской церквей на реку и к колодцам были запрещены горсоветом якобы из соображений санитарной безопасности – поскольку вода предварительно не была проверена бактериологической станцией. Несмотря на то, что эти церковные праздники совпали с рабочими днями, обе городские церкви на Рождество и на Крещение буквально ломились от собравшегося в них народа, хотя, по мнению уполномоченного, в основном это были женщины и люди престарелого возраста, а молодежи, на его взгляд, пришло не более 5%. Тем не менее, в 1-м квартале следующего, 1949-го, года он опять вынужден был отметить высокую посещаемость городских церквей, объясняя это, правда, не высокой религиозностью городского населения, а посещением церквей сельскими жителями, приехавшими в город на базар. Наиболее посещаемым, разумеется, был Успенский кафедральный собор (Мироносицкая церковь). Посещаемость Митрофановской церкви составляла 50–60% от соборной. На первой неделе Великого поста в соборе говеющих было 1100 человек, на 2-й неделе – 1200 чел., на 3-й – 1000 чел., на 4-й – 1100 чел. В селах посещаемость оставалась невысокой (до 100 чел.).

В 1-м квартале 1949 года (8 февраля²⁶⁶) в Пензе наконец-то открылись краткосрочные богословско-пастырские курсы, заведующим которых по совместительству был назначен настоятель собора протоиерей М. А. Лебедев. Однако вскоре на эту должность епископом был приглашен из Одесской епархии опытный проповедник священник А. Д. Виноградов, и если вторую очередь курсов 14 марта открывал еще Лебедев, то закрывал ее уже 28 марта новый заведующий. На курсах, как правило, одновременно занималось пятеро священнослужителей. Третья очередь курсов проходила с 9 по 24 мая, четвертая – с 21 июня по 5 июля, пятая – с 30 августа по 15 сентября, шестая, на которую явилось лишь трое, – с 25 сентября по 10 октября. К сведению сказать, на 1 июля 1949

года в Пензенской области состояло 52 священника, 18 диаконов и 7 псаломщиков.

Как мы уже говорили, открытие новых храмов совершенно прекратилось. Чтобы хоть как-то выйти из положения и духовно окормлять жителей области, не имеющих у себя действующих церквей, Патриархия предложила управляющим епархиями, в том числе и Пензенской, для удовлетворения религиозных запросов верующих создать штат разъездных священников. Но из Совета по делам РПЦ уполномоченному поступил категорический приказ не допускать этого, на основании чего тот посоветовал епископу Кириллу воздержаться от задуманного. Вскоре рост храмов не просто остановился, но и начался откат назад – в 3-м квартале 1949 года Мокшанский райисполком вынес решение о закрытии в Мокшане Успенского собора. Мотивом для расторжения договора с религиозной общиной в отчете уполномоченного выступает ни что иное, как забота местной власти о здоровье верующих – поскольку из-за непроведения необходимого ремонта здание “в некоторых местах вызывает опасение за несчастные случаи”. На деле же все оказалось далеко не так, точнее – совершенно не так. Об этом нам становится известно из докладной записки заместителя заведующего отделом Совета по делам РПЦ В. Спиридонова зампреду Совета С. К. Бельшеву от 1 июля 1949 года. Документ этот раскрывает не только всю подоплеку закрытия Успенской церкви, но и методы подтасовки фактов, которые широко использовались в борьбе против Церкви и в более ранний период, и позднее. Приехав в Мокшан, Спиридонов быстро разобрался, что обращение в Совет по делам РПЦ Мокшанского райисполкома, настаивавшего на закрытии Успенской церкви по причине невыполнения церковной общиной договора на пользование церковным зданием, является лишь предлогом. Действительной же причиной было другое – близкое расположение церкви к зданию райкома ВКП(б). Соседство оказывалось прямо-таки необычным – две враждующие идеологии разместились совсем рядом. Успенский храм в районном центре Мокшан, насчитывающем к тому времени более 5 тысяч человек, был открыт еще в 1946 году по ходатайству большой группы верующих. Ближайшая от нее действующая церковь находилась в 20 км – в с. Юлово. Поэтому для Спиридонова было очевидным, что “закрытие церкви несомненно вызовет большой протест со стороны этих групп верующих, а следовательно создаст нежелательную их активность вокруг этого протеста”. Представители районной и областной власти – секретарь Мокшанского райкома ВКП(б) Медведев, председатель райисполкома Гурин, секретарь обкома ВКП(б) по пропаганде Колчин и

секретарь облисполкома Лисавцов, посоветовавшись, предложили: “Успенскую церковь закрыть и здание использовать под склад. При настойчивом протесте общины против закрытия церкви предоставить ей взамен здание Архангельской церкви в этом же с. Мокшан, примерно метрах в двухстах от Успенской церкви, освободив эту церковь от склада зерна “Сортсемтреста”. Но поскольку это было первой попыткой закрытия еще совсем недавно открытого храма, московский гость, поднаторевший, как видно в подобных делах, решил действовать не так топорно, как привыкла вершить дела местная верхушка, а гораздо тоньше. По его мнению, “было бы целесообразнее в данный момент этого мероприятия не проводить, а, не давая общине производить ремонт здания Успенской церкви, поскольку община к этому ремонту не приступила, установить наблюдение за техническим состоянием здания и, при наличии опасности для пользования этим зданием, вновь поставить вопрос о закрытии церкви, либо, при наличии настойчивости со стороны местных организаций, расторгнуть договор с общиной, – согласиться с этим при предоставлении общине взамен здания Архангельской церкви”²⁶⁷. Поистине иезуитская изощренность.

20 июля 1949 года расторжение договора с Успенской общиной верующих было утверждено Советом по делам РПЦ. Естественно, что жители Мокшана – этого многонаселенного и достаточно религиозного районного центра – сразу же стали хлопотать о передаче им другой церкви – Михайло-Архангельской, занятой к тому времени под склад элитных семян. Облисполком не стал возражать против такой передачи, но местный райисполком делать этого не торопился и лишь в феврале следующего года удосужился подтвердить свою готовность к передаче верующим Михайло-Архангельской церкви после ее освобождения от семян. Тем временем жители районного центра начали бомбардировать вышестоящие органы жалобами: одна из них поступила на имя секретаря Пензенского обкома ВКП(б) Лебедева, другая – в Совет Министров СССР, четыре – председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Карпову и три – на имя И. В. Сталина. 6 октября 1950 года облисполком вынес решение о немедленной передаче церкви верующим, но райисполком и на этот раз не спешил его выполнять, так что через два месяца ему пришлось давать по этому поводу объяснение. Наконец, 29 марта 1951 года Мокшанский райисполком сообщил, что Михайло-Архангельская церковь освобождена от зерна. Однако мытарства верующих на этом еще не закончились. Церковь-то им передали, а вот стройматериалы, дрова, принадлежащие общине, а также иконостас из закрытой Успенской церк-

ви, отдать отказались. Вновь пришлось апеллировать к вышестоящей организации. Очередное притеснение со стороны местной власти произошло, когда верующие вознамерились поднять на церковь крест. Вновь в Москву была направлена жалоба, и вновь облисполком вынужден был отдать распоряжение, чтобы не чинили препятствий общине: вначале письменное – от 27 сентября 1951 года, а после очередной жалобы жителей Мокшана – и устное, по телефону. Лишь 11 декабря 1951 года двух с половиной годовая борьба верующих за свои права увенчалась их полным торжеством – когда над храмом, с таким трудом отвоеванным у безбожной власти, взметнулся крест – поистине символизирующий победу над злом.

Состояние дел в любой отрасли прежде всего проверяется ее экономическими показателями. В духовной сфере, наверное, этот закон не менее применим, чем и в производственной. Судя по доходности епархии, значительно снизившейся в 3-м квартале 1949 года по сравнению с тем же кварталом прежнего года – среди приходов на 35% и у духовенства на 17%, – можно сказать, что самочувствие Церкви, отделенной от государства, напрямую зависело от тех косых взглядов, которые последнее бросало на нее.

Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви на международной арене была тем сдерживающим фактором, который не давал пока возможности развернуть антирелигиозную пропаганду в полную силу. На первом этапе наметившейся борьбы с Церковью решено было ограничить ее влияние территорией храма, для чего, в первую очередь, требовалось усилить давление на Патриархию, вынуждая последнюю издавать распоряжения, “на законном основании” сдерживающие активность местных епархиальных властей. От уполномоченных теперь требовалось не просто констатировать факты проявления религиозной жизни в области, но и давать оценку этим событиям, а в случаях нарушения со стороны духовенства рамок дозволенного – активнее пресекать подобные действия, вплоть до более решительного лишения священнослужителей удостоверений на право проведения богослужений и исполнения треб, то есть главного источника их существования. Отныне рука уполномоченного должна была постоянно ощущать тот пульс, с которым бьется жизнь Церкви, и в случае его учащения – немедленно прописывать успокоительное.

Одновременно усилилось идеологическое воздействие на население. Коммунисты и комсомольцы, совершившие религиозные обряды, что было еще нередкостью в 1947–1948 годах, в 1949-м и 1950-м стали немедленно исключаться из партии и комсомола. Теперь уже желающим повенчаться

(как правило, по настоянию невесты) приходилось прибегать к ухищрениям – договариваться со священником совершать этот обряд ночью, с ограниченным кругом свидетелей. Атеистическое воспитание детей в школе вскоре привело к тому, что они стали стыдиться ходить с матерью в церковь, боясь не столько школьного руководства и учителей, как насмешек своих сверстников. Ростки коллективизма стали приносить свои плоды: не страх наказания, а боязнь быть высмеянным, быть не таким, как все, стала теперь определяющей в воспитательном процессе. Конвейер по производству будущих “совков” был запущен.

Церковная жизнь в епархии, однако, шла своим чередом: в последнем квартале 1949 года епископ Кирилл освятил ранее открытую церковь в с. Салтыково, 12 декабря он присутствовал на похоронах настоятеля кузнецкой Казанской церкви Михайлова, а 25 декабря он наконец-то смог выехать в с. Сушевку Колышлейского района для награждения настоятеля Лимкина за проведение ремонта молитвенного дома (ранее, во время уборочной, поездка епископу была запрещена, дабы не отвлекать людей от работы). Однако последовали и очередные ограничения: в последних числах декабря уполномоченному пришло из Совета по делам РПЦ сообщение о вынесенном Патриархией запрещении совершать в праздник Богоявления крестные ходы вне ограды храма. Испокон века существовавшая на Руси традиция совершения крестных ходов на реку или к другим источникам, была прекращена, так и не успев как следует возродиться, – слишком уж торжественным и запоминающимся зрелищем она была, чтобы допускать ее свободное проявление на глазах у всех жителей.

Январь 1950 года оказался страшно холодным, к тому же Рождество совпало с рабочим днем, поэтому посещаемость пензенских церквей в этот великий двенадесятый праздник оказалась невысокой: в кафедральном соборе у обедни присутствовало 800–900 человек, в Митрофановской церкви – и того меньше – до 500 человек. На следующий день, в воскресенье, в храмах было примерно столько же верующих, в основном – женщины от 30 до 50 лет.²⁶⁸

На 1 января 1950 года в церквях Пензенской области имелось 50 священников (17 в городах и 33 в сельской местности) и 19 диаконов (соответственно – 10 и 9). По сравнению с 1 января 1949 года число сельских священников несколько уменьшилось, что не было простой случайностью, а говорило о той сложной работе, которую предпринимал Преосвященный в жестких рамках дозволенных ему действий для расширения священниками требоисполнения и более широкого распространения Слова Божия среди жителей области. Дело в том, что после запрещения Сове-

том по делам РПЦ вводить в епархиях разъездных священников епископ Кирилл в 1949 году назначил вторые иерейские штаты в наиболее доходные сельские одноштатные приходы. Это дало возможность активизировать религиозную работу за счет лучшего охвата священниками населения близлежащих к церкви сел. На практике это означало, что введенный дополнительный штат позволил производить подворный обход с молебнами в окружающих селах, приурочивая эти молебны к бывшим храмовым праздникам данных сел, – различным для каждого села. Таким образом, второй священник и стал, по сути дела, разъездным. Однако единственной законной возможностью выйти за ограду церкви могло быть приглашение самих верующих посетить их на дому. Подворный же обход сразу заявил о нарушении этого принципа, поэтому местная власть очень скоро запретила подобные действия духовенства. Доходы церкви после этого резко сократились, и возможности содержать второго священника не стало. Поэтому епископу Кириллу пришлось вторые штаты упразднить, отправив некоторых священников за штат. Из 11 двухштатных сельских приходов, бывших в 1949 году, на 1 января 1950 года осталось лишь пять.

Другим направлением, которое архиерею приходилось постоянно держать в поле своего зрения, были двухнедельные пастырские курсы по повышению служебных знаний духовенства. Открытые в феврале 1949 года как временные, они за год своего существования сделали 13 выпусков, которые окончили 56 человек – 15 священников и 21 диакон из Пензенской области и 10 священников и 10 диаконов из Мордовской АССР. Причем некоторые из них успели пройти по два раза. Всего же, для сведения, на середину 1950 года в Пензенской области и Мордовии (т. е. во всей Пензенской епархии) было зарегистрировано 96 священников и 30 диаконов. Такая кузница кадров не могла не обратить на себя внимания уполномоченного. Обеспокоенный повышением квалификации духовенства, а следовательно, и укреплением авторитета священнослужителей среди прихожан, он запросил епископа о сроках окончания работы курсов. На это Преосвященный ответил, что курсы будут продолжаться до тех пор, пока слушатели не пройдут программу хотя бы духовного училища. Уполномоченный немедленно отапортовал в Совет по делам РПЦ, что “архиерей временные курсы стремится обратить в постоянно действующие, имея в виду в дальнейшем пополнить штат преподавателей специалистами по богословским предметам”.

Пасха 1950 года снова собрала много народу в пензенские церкви: в собор пришло до трех с половиной тысяч человек, в Митрофановский

храм – не менее двух тысяч. Это свидетельствовало, что снизить религиозность населения пока что, несмотря на все усилия, не удалось. Главным же тормозом для ее поднятия было отсутствие вновь открываемых храмов, хотя заявления и продолжали поступать: в 1-м квартале 1950 года было 4 ходатайства об открытии церквей, во 2-м квартале – 13, в 3-м квартале – 8 и в 4-м – два, то есть всего – 27. Ни одно из них так и не было удовлетворено. Главными мотивами для отказа все так же оставалось близкое (до 20 км) расположение к ним уже действующего храма и то, что инициаторами их открытия являются якобы люди, корыстно в этом заинтересованные. Последний мотив особенно возмутителен. Где мера, определяющая степень корысти? Ведь понятно любому, что совершенно не заинтересованный человек ни о чем хлопотать не будет. И само собой разумеется, что инициативу на себя берет не просто верующий человек, а активный, наиболее воцерковленный из них, какими, как правило, оказываются бывшие священно- и церковнослужители, члены приходских советов, певчие, монахи и монахини. К слову сказать, на имя самого уполномоченного заявлений стало поступать очень мало. Оно и понятно: верующие, видя неэффективность действий через посредника, стали апеллировать сразу к высшей власти, от которой зависело принятие решений. Так, из поданных в 1948 году 74-х заявлений 38 поступило в центральные органы; в 1949 году этот показатель в пользу последних еще более увеличился – из 48 ходатайств об открытии церквей 34 прошло через центральные органы. Особой активностью отличались жители Маиса Николо-Пестровского района, подавшие 15 заявлений, Акимовщины Наровчатского района – 10 заявлений, Лунино – 8, Наровчата, Знаменского Башмаковского района и Базарной Кеньши Николо-Пестровского района – по 7.

С одной стороны, храмы упорно не желали открывать там, где люди этого буквально домогались, а с другой стороны, часть уже открытых церквей в 1949 году была отдана под временное – на полтора-два месяца – хранение зерна, но еще и к осени 1950 года не все они были освобождены. Так было в нашей епархии, так было и по всей стране. Именно так претворялся на деле принцип свободы совести, дарованной сталинской Конституцией – “самой демократической в мире”.

В 1950 году отчет о работе уполномоченного по Пензенской области и доклад о результатах проверки его работы инспектором Совета по делам РПЦ заслушивались на Совете, который признал работу Лысманкина не совсем удовлетворительной и потребовал изменить ее “в сторону коренного улучшения наблюдения за выполнением законодательства в

отношении церкви и более глубокого изучения положения и деятельности церкви и духовенства”. То есть официальная установка была такой: пресекать все “незаконные” действия Церкви, и в первую очередь – религиозную пропаганду вне стен храма. Неофициальная – прекратить открытие новых церквей – уже успешно проводилась в жизнь. Результатом же должно было стать естественное угасание активности верующих при некотором сохранении статус кво в виде уже открытых храмов и определенного количества прихожан, из числа которых путем идеологического воздействия необходимо было изъять детей и молодежь, что лишало Церковь естественного прироста и вело к постепенному ее умиранию. Таким виделся бескровный конец Церкви нашим государственным идеологам.

Поэтому любая живительная струя в жизни Церкви воспринималась со стороны власть имущих весьма настороженно, если не сказать – болезненно. И, с другой стороны, с особым удовлетворением подмечались всякие нестроения в Церкви, и в первую очередь – проявления безнравственности в среде духовенства, что, к сожалению, во все времена имело место. Но именно тем и сильна Русская Православная Церковь, что свойственные человеку слабости, пусть даже они присущи и самим ее представителям, не могут запачкать ее вероучения, как раз и направленного на борьбу и с явным пороком, и с малейшим, даже самым зачаточным его проявлением. Не надо забывать, что священнослужители – прежде всего люди, а потом уже священнослужители, и для того, чтобы поменять местами эти два понятия, порой необходима вся жизнь. Это только человеку, слишком (из-за гордыни, как правило) убежденному в своих личных достоинствах, кажется совершенно недопустимым наличие у представителя духовенства качеств, несовместимых с его высоким званием. Было бы удивительным их полное отсутствие, – учитывая пребывание его в миру, посреди всей этой грязи, накапливаемой из поколения в поколение. Но именно православная вера и показала миру те вершины человеческого духа в образе святых отцов, на которые равняются представители человечества, стремящиеся стяжать Духа Святого. Пьянство, сожительство, склоки – с одной стороны, и с другой – спасение душ пасомых, – какая чаша перевесит, один только Господь знает. Не нам судить. Архипастырю же, поставленному над духовенством, остается лишь увещевать, убеждать и к особенно злостным из них (при явном недостатке, как правило, священнослужителей вообще) применять меры дисциплинарного воздействия: переводить с прихода на приход, отправлять за штат, запрещать в служении, не забывая, однако, что наказуемый, как правило, – главный кормилец в семье.

Нам повезло, что в этот период на Пензенской земле сиял своей праведной жизнью, наставляя и исцеляя приходящих к нему со всех концов епархии, пребывающий за штатом иерей, старец и провидец, Иван Васильевич Калинин, или, как его чаще называли, – Иоанн Оленевский. Недавно о нем вышла небольшая, всего в 20 страниц, книжечка (СПб.: “Сатисъ”, 1996), написанная по воспоминаниям знавших его людей, в которой собраны удивительные случаи исцелений и прозорливости местно-чтимого старца Иоанна. Чудеса, творимые им при жизни, нашли свое продолжение и в наше время, после его перезахоронения, состоявшегося 6 августа 1996 года, в 45-летнюю годовщину его кончины. И не случайно, наверное, в Сергиевской церкви села Соловцовки Пензенского района, у которой был перезахоронен его прах, вот уже более двух лет непрерывно происходят мироточения икон. Господь, ниспосылающий свою благодать над этим местом, изливающаяся в виде святого миро на иконы, словно указывает нам один из путей, который мы должны избрать для своего покаяния – прийти к духовному светочу земли Пензенской – Иоанну Оленевскому, своей праведной жизнью угодившему Богу, свидетельством чего и являются все случаи проистекаемой чрез него милости Божией. Прийти и принести предстателю нашему перед Господом все свои горести, печали и сомнения, испросить его заступничества, очистить душу свою искренним раскаянием о содеянных грехах, возжечь свечу, помолиться, исповедаться и причаститься святых Христовых Таин.

Более обстоятельная книга о подвижнике веры и благочестия Иоанне Оленевском еще впереди, дай Бог, чтобы она была написана, – пусть станет достоянием всех пример его праведной жизни и той награды на земле, которую получил он от Бога, избравшего его проводником Своей Божественной Силы, изливаемой на всех, прибегающих за помощью и просто за советом к старцу Иоанну Оленевскому. Здесь же мы лишь коротко обрисуем его биографию, не касаясь сведений, документально не подтвержденных.

Иван Васильевич Калинин родился 5 августа 1854 года в с. Оленевке Пензенского района. Далее предоставим слово ему самому: “Лишившись

в раннем детстве своих родителей и не имея возможности заниматься тяжелым физическим трудом по слабости своего здоровья, живя в с. Оленевке, занимался рукоделием, вязал шарфы, перчатки, чем себя содержал, и часто посещал храм, приучался к церковному чтению и пению до 1920 года. В 1920 году был рукоположен архиепископом Иоанном [Поммером] в сан диакона и служил по добровольному желанию в храме с. Оленевки и селе Солосцовке (местное наречие. – А. Д.) Кондольского района, не по назначению, не в штате, до 1936 года. В 1936 году подвергся аресту и был заключен в тюрьму, где и пробыл полгода, а затем, по распоряжению высшего начальства из Москвы, был освобожден из тюрьмы и после этого по настоящее время (написано в 1946 году. – А. Д.) проживаю в с. Оленевке, содержась на добровольные подаяния, по преклонному старческому возрасту и слабому здоровью работать не мог, а в настоящее время, чувствуя себя пободрее, желаю принимать участие в богослужении в храме, не на постоянной работе, а изредка, в с. Солосцовке”. 16 апреля он был зарегистрирован уполномоченным в качестве диакона. Шел ему тогда уже 92-й год.²⁶⁹

По поводу его ареста следует заметить, что Иван Васильевич Калинин первый раз вызывался на допрос еще в январе 1934 года, когда ему пытались приписать руководящую роль в контрреволюционной организации, основываясь на частых посещениях его квартиры в с. Оленевке различными людьми. Спасло 79-летнего старца тогда его болезненное состояние, и дело в отношении его было прекращено. Вторично он вызывался в ОГПУ в 1935 году, но все тоже обошлось благополучно. И, наконец, в октябре 1936 года его арестовали по обвинению в контрреволюционной агитации и, как мы уже знаем, продержали полгода в тюрьме, а затем, по указанию из Москвы, выпустили. Как видно, в столице решили, что дряхлый 82-летний старец никак не подходит на роль руководителя контрреволюционной церковной монархической организации, несмотря на все имеющиеся к тому предпосылки – бесконечную вереницу людей из самых разных мест, непонятно зачем стремящихся попасть в Оленевку. Господь сохранил Иоанна Оленевского до лучших дней, подарил ему радость еще послужить в Соловцовке и диаконом, и священником, сподобив его передать эстафету своей несгибаемой веры и непрестанного служения Богу возрожденному приходу, прихожанам, а через них и последующим поколениям.²⁷⁰

В последний год своей жизни Иоанн Оленевский почти не передвигался. На праздники его привозили в соловцовскую церковь, и, поскольку он уже не мог принимать непосредственного участия в богослужениях,

вводили в алтарь, а после окончания службы усаживали на амвон в кресле, чтобы все молящиеся могли пройти мимо старца для получения советов и наставлений. Скончался Иоанн Оленевский 6 августа 1951 года в возрасте 97 лет. На следующий день гроб с его телом из Оленевки перенесли в Соловцовку и поставили в Сергиевской церкви, где над ним всю ночь читалось Священное Писание. 8 августа похоронная процессия двинулась обратно в Оленевку, где на местном кладбище почитаемый иерей и был похоронен. Проводить его в последний путь пришло до полуторы тысячи человек. Как рассказывали потом, в день похорон старца солнце заиграло и от него побежали радужные круги. То же самое, говорят, наблюдали и в день его перезахоронения.²⁷¹

В том же году в истории Пензенской епархии произошло еще одно знаменательное событие: 25 февраля 1951 года епископ Пензенский и Саранский Кирилл за свое долготелее усердное служение Церкви Христовой был возведен в сан архиепископа.²⁷² Эта высокая награда достойно увенчала его 75-летие. В следующем году Владыка часто болел. На его самочувствие сильно сказывались неустройства в некоторых церквях подведомственной ему епархии, особенно болезненно воспринимаемые им на закате уходящей жизни. Да и что должен был испытывать архипастырь, получая, к примеру, жалобу от прихожан Параскевинской церкви г. Кузнецка, требующих перемещения в другой приход своего священника лишь на том основании, что он подстригает бороду и волосы на голове и носит не пальто и шляпу, а плащ и фуражку. Или узнавая, что один из недавно посвященных диаконов, у которого не оказалось ни слуха, ни голоса, без чего просто невозможно было вести службу, переведенный им в иподиаконы, написал на своего архиерея клязгу в Патриархию. Но и среди своих ближайших помощников Владыка уже не всегда находил понимание, что также доставляло ему немалые огорчения. Его мягкость и нежелание обидеть воспринимались вчерашними сподвижниками как мягкотелость и непостоянство характера. Дело же было совсем в другом: слишком мало оставалось дней, чтобы растративать их на что-то, кроме заботы о ближнем. Потому-то, наверное, и любил он задерживаться после всенощной в храме, раздавая свое благословение прихожанам: может, оно-то как раз и даст тот толчок, который направит человека по нужной колее, не позволяющей ему свернуть в сторону от своего главного жизненного предназначения. Может быть, в том и заключается Промысел Божий, что творится он Божией благодатью, но посредством людей, специально на то поставленных через рукоположение, и в первую очередь вознесенных на высоту святительского служения? Но как бы то ни было,

а особо безнравственные поступки священнослужителей он, как правило, не оставлял безнаказанными и, при всей своей мягкости, поступал решительно и бескомпромиссно – отправлял за штат.

Последний год жизни архиепископа Кирилла прошел в укомплектовании штатов духовенства, с приглашением священнослужителей из других епархий; в попытке расширить программу курсов общеобразовательными и другими предметами, в чем ему было отказано. Владыка мечтал назначить себе постоянного помощника для ведения всех дел епархии в лице овдовевшего саранского священника Любимцева, но столкнулся с противодействием членов епархиального управления и несогласием на то Патриархии. Подумывал он и о праздновании своего 55-летнего служения Церкви. Но, очевидно, устав от всего этого, с 15 августа 1953 года взял себе отпуск, а 18 декабря неожиданно для всех скончался. Чин отпевания и погребение 21 декабря архиепископа Кирилла у северного (левого) придела Митрофановской церкви совершил епископ Куйбышевский и Сызранский Иероним (Захаров), принявший на себя затем временное управление Пензенской епархией.³⁷³

Могила архиепископа Кирилла (Поспелова)
у придела в честь святителя Феодосия, Черниговского Чудотворца,
Пензенской Митрофановской церкви

Иероним (Захаров), 1953–1954

Правда, управление это длилось меньше двух месяцев, и о деятельности его в Пензе практически ничего не известно, за исключением лишь того, что, побывав на приеме у уполномоченного, он заявил о бессмысленности предполагаемого прежним архиереем открытия бухгалтерских курсов для благочинных, настоятелей и прочих священников, мотивируя это тем, что кроме как пустой тратой епархиальных средств, эту затею никак не назовешь²⁷⁴. Заявление его, однако, было более чем спорным. Ведь из 33-х действующих молитвенных зданий в области почти в двадцати управление хозяйственной деятельностью находилось в руках настоятелей, в большей части оставшихся религиозных общин управление настоятелей было совместным с церковными старостами, и лишь только в шести из них хозяйственная деятельность полностью контролировалась старостами²⁷⁵. Так что знание основ бухгалтерского учета настоятелям было просто необходимо. А что касается остальных священников, то, с одной стороны, они в любой момент и сами могли стать настоятелями, а с другой – прежде чем подавать жалобы на неправильное налогообложение их доходов со стороны государства, не мешало бы узнать всю эту технику поближе, тем более, что из-за несвоевременной уплаты налогов священнослужителями претензии приходилось выслушивать их архиерею.

Несмотря на недолгое и, скорее всего, чисто условное управление Пензенской епархией епископом Иеронимом, будет не лишним привести здесь его биографию.

Родился Владимир Иванович Захаров – будущий Владыка – 20 марта 1897 года в Москве в семье торгового служащего. В 1916 году, скорее всего по настоянию отца, он окончил Московское коммерческое училище, но затем решил продолжить свое образование и поступил сразу в два учебных заведения – в Московский университет и в Институт экспериментальной психологии профессора И. Челпанова, которые, из-за смерти отца, он, однако, был вынужден оставить. Через какое-то время благочестивое воспитание, полученное им в детстве от матери, направило его стопы в Московский Даниловский монастырь, где он в качестве иподиакона начал прислуживать архиереям. Святительская благодать укрепила его в стремление посвятить себя иноческому подвигу, и 22 августа 1925 года Владимир Захаров принял монашеский постриг, взяв себе редкое имя Иероним – в честь блаженного Иеронима Стридонского и выдающегося средневекового обличителя-монаха Иеронима Савонаролы. Правда, это произошло уже в другом монастыре – Московском Сретенском, обязанности настоятеля которого исполнял викарный епископ Можай-

ский Борис (Рукин). В том же году монах Иероним был рукоположен в сан иеродиакона и иеромонаха.

Однако московский период его иноческого пути был прерван неожиданным обстоятельством: в конце 1925 года настоятель монастыря епископ Можайский Борис стал одним из организаторов григорианского раскола в Русской Православной Церкви, в связи с чем молодой, но, как оказалось, особенно чувствительный к любой неправде монах Иероним, сразу же показавший себя достойным возложенного на него в монашестве имени, вынужден был покинуть монастырь. Приехав в Костромскую епархию, на родину своей матери, он от местного архиерея

получил назначение в отдаленную женскую Троицкую обитель в Галичском уезде в качестве священника и духовника. Через несколько лет он вернулся в Москву, где занял должность помощника благочинного монастырей Москвы, а затем был направлен в Михайло-Архангельский храм г. Загорска, в котором в 1929 году был посвящен в сан игумена, а вскоре после того – 19 сентября 1930 года – и в архимандриты.

Успешно выполнив возложенное на него в 1944 году Московской Патриархией послушание – обследовать состояние церковных дел на освобожденной от фашистских захватчиков территории Кишиневской и Молдавской епархии, архимандрит Иероним 31 декабря того же года был хиротонисан во епископа и пробыл на Кишиневской кафедре до 1947 года. Затем он последовательно возглавлял еще ряд епархий, будучи епископом Рязанским и Касимовским (1947–1948), Ижевским и Удмуртским (1948–1952), Куйбышевским и Сызранским (1952–1956), Орловским и Брянским (1956–1962), Ростовским и Новочеркасским (1962–1966). 14 декабря 1966 года архиепископ Иероним, возведенный в этот высокий сан в 1962 году, скончался. Провожая его в последний путь, пережившая своего сына 92-летняя мать, наряду с вполне понятным чувством скорби, наверняка испытывала и чувство гордости, слыша те проникновенные слова, которые были произнесены над гробом почившего Владыки. Тем более, что они были не просто данью устоявшейся традиции – говорить хорошо об умерших, а действительной оценкой более чем двадцатилетне-

го пути его архиерейского служения. Не можем и мы не сказать тех слов, показывающих нам удивительный образ человека, в котором органично соединилось и беззаветное монашеское служение Богу, и умение брать от мира все самое достойное и ценное, сотворенное в нем человеком.

“Как архипастырь-администратор архиепископ Иероним неизменно предпочитал в деле управления епархиями гуманные, проникнутые духом снисхождения и христианского долготерпения способы действия, повсюду оставляя о себе добрую память, как о милостивом и человеколюбивом отце.

При совершении богослужений он избегал внешних эффектов, что объяснял привычкой, усвоенной им от юности в “школе” Даниловского монастыря, не “дополнять” по своему разумению литургического творчества святых отцов Церкви. Подобные смиренные высказывания были особенно свойственны Владыке.

Почивший святитель был добрым и радушным хозяином и увлекательным собеседником в любом обществе, человеком благодушным, общительным и чрезвычайно простым, то есть совершенно лишенным показной сановности.

Будучи весьма начитан, обладая энциклопедическими познаниями и широким кругозором, покойный архипастырь посвящал свой небольшой досуг собиранию редких книг и памятников древнерусского искусства. Он обладал ценнейшей, подобранной в течение жизни библиотекой по самым различным вопросам: религиозно-философским, церковно-историческим, истории и изучения древнерусского искусства, публицистики и пр. На протяжении долгого ряда лет им были собраны очень ценная коллекция древнерусских икон XV–XVIII вв., насчитывавшая много десятков произведений прекрасных памятников иконографии, обширная нумизматическая коллекция и большой филателистический материал. Он собрал немало литературных материалов и подлинных предметов мемориального характера о великом русском певце Ф. И. Шаляпине, большим почитателем таланта которого он был еще со студенческих лет.

Владыка Иероним внес щедрый вклад – старинные и оригинальные предметы церковного обихода – в сокровищницу церковно-археологического кабинета Московской духовной академии.

Приснопамятный Владыка оставил в сердцах всех знавших его добрую и светлую память по себе как о благодном святителе и человеке благородной души, и мы верим, что, по милости Божией, на нем да исполнятся слова святого Тайнозрителя: “Буди верен даже до смерти и дам ти венец живота” (Откр. 2, 10)”.²⁷⁶

Как мы видим, прекрасно осознававший кратковременность и человеческой жизни, и земного существования вообще, Владыка Иероним, тем не менее, ценил вершины человеческого гения – как отблеск совершенства их Отца, заложившего в людей способность творить по законам гармонии и красоты, так необходимых, наряду с верой, для ограждения душ живущих от разрушительного влияния сотворенного ими же самими порока. Причем не просто красоту, как таковую, созданную по божественным законам, считал он заслуживающей бережного сохранения, но прежде всего – согретую человеческим теплом, – теплом, преобразующим произведение искусства в духовный источник, непосредственно воздействующий на душу созерцающего эту красоту человека. “И любим и бережем мы старинные иконы, – писал в 1936 году будущий святитель Иероним, – не потому только, что они представляют собой произведения совершенного искусства, а потому еще, что они были свидетелями той великой веры, которая питала и укрепляла душу русского народа в годы тяжелых исторических испытаний”. Здесь слово “свидетели” надо понимать, конечно же, не в смысле “современники” исторических событий, послуживших причиной тяжелых испытаний русского народа, а в значении непосредственных объектов, к которым эта вера была обращена, а точнее – через которые она была обращена к Богу. То есть речь идет, прежде всего, о “намоленных” иконах, значение которых намного превосходит ценность икон как произведений искусства. Естественно, что люди неверующие эту сторону их совершенно не признают, но именно благодаря намоленности вокруг икон и создается та неуловимая духовная атмосфера, которая не воспринимается обычными органами чувств, но несомненно ощущается на мистическом уровне, – когда напрямую подключается душа и восстанавливается утраченная связь ее со своим Творцом и Его великими угодниками. И чем чаще склоняются в молитвах пред иконами скорбящие сердцем, чем жарче делаются их молитвы, тем более у них надежды испытать Божию благодать, проистекаемую невидимым образом через святынеобраз, проявляемую многочисленными случаями чудесных исцелений. Только вопль отчаяния жителей Пензы пред Казанской иконой Божией Матери смог спасти наш город от разорения его кочевниками в 1717 году. Какой же ценой можно измерить факт проявления через эту икону страшной божественной силы, повернувшей в ужасе прочь от крепости нападавших? Какими земными мерками определить денежное выражение других чудотворных икон? Или, хотя бы, к примеру, того карандаша, которым верующие москвичи записывали свои имена у Иверской иконы Божией Матери, бережно сохра-

ненный архиепископом Иеронимом. Что это? Предмет церковной старины, и даже не старины – а просто церковного поклонения, достойный разве что религиозного музея? Или же это тот карандаш, которым будут записаны их имена в Божественной Книге Жизни? Тот свидетель веры и благочестия сотен и сотен прихожан, в котором сконцентрированы все их чувства к Пресвятой Богородице, вся их любовь к Богу, выразившиеся на бумаге лишь написанием одного своего имени. И тот трепет, с которым держал этот карандаш в своих руках святитель, преисполненный благоговения, лучше всего доказал бы существование нечто такого, которое ощущается лишь душой истинно верующего человека, ищущей Бога и воспринимающей идущие от него токи.

